

тельской труппой осетинского драматического кружка, существовавшего при Осетинском издательском обществе.

В 1916 г. протоиерей Стефан Мамитов вышел в отставку по болезни.

Протоиерей Стефан Мамитов скончался 20 декабря 1918 г. во Владикавказе и был погребен в ограде церкви Рождества Пресвятой Богородицы (Осетинская церковь).

Библиография

1. *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.; Л., 1958. Ч. 2; 1962. Ч. 3.

2. *Мамитов.* Несколько слов об осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибириков. Цхинвали, 1987. Т. 3. (Терские ведомости. 1879. № 33).

3. *Сосиев З.* Станица Чернаярская // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5.

4. *Бутаев А.* Новые издания на осетинском языке // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибириков. Цхинвали, 1991. Т. 5. (Терек. 1908. № 207).

Д. Н. Прасолов

К ВОПРОСУ О РОЛИ ИСЛАМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТРАДИЦИОННОГО АДЫГСКОГО ОБЩЕСТВА

Исторические процессы XVI–XIX вв. не оставили без изменений политическую культуру (ПК) адыгского феодализма, придав ей целый ряд новых качеств. В силу этого целесообразно различать традиционную политическую культуру (ТПК) и ее мо-

дификации, которые складывались на протяжении трех указанных столетий.

В рамках традиционного адыгского мира можно выделить не менее трех моделей ТПК, характерных для Кабарды, княжеских владений Западной Черкесии и «демократических» адыгов. Все они развивались на базе определенного субстрата ПК, который был представлен ее наиболее устойчивыми признаками, общими для всего адыгского этноса в целом. Эта основа сохраняла детерминирующее значение в процессах трансформации ПК, связанных с возникновением в различных областях феодальной Черкесии новых форм социально-политической организации или трансформацией традиционных общественных институтов.

Отличительными чертами общеадыгской ТПК являлись: военизированный характер; элитарность; иерархическая дифференцированность норм политического этикета, которые отчасти соблюдались не только в кругах политической элиты; ярко выраженный индивидуализм в мотивации политического действия и обусловленная этим мобильность отдельных носителей ТПК, позволяющая адаптироваться им в иной политико-культурной среде; восприятие ее элементов политическими культурами других народов Кавказа при собственной открытости к избирательному усвоению внешних новаций в той мере, в какой они могли сосуществовать с базовыми установками ТПК.

Однако уже в отдельных моделях ПК каждая из названных черт проявлялась неодинаково, трансформируясь под воздействием внешних и внутренних факторов. Динамика, хроноструктура и глубина этих изменений различались, что проявилось уже с конца XVIII в., когда стало очевидным несоответствие базовых положений ТПК новым историческим условиям, в которых существовал традиционный адыгский мир. Данное противоречие стало преодолеваться в рамках двух политико-культурных альтернатив — «шариатской» (в Кабарде) и «демократической» (в Западной Черкесии до конца 1820-х гг.) или их смешанных моделей (среди абадзехов, шапсугов и натухайцев в 1848–1859 гг.). Тем не менее и в рамках этих новаций традиционный субстрат оставался определяющим фактором политической практики, вполне органично сосуществуя с новыми идеологиями, принци-

пами политического лидерства и механизмами формирования политических институтов.

«Духовное правление» в Кабарде (1807–1822) и шариатский режим Мухаммед-Амина в Западной Черкесии (1848–1859) способствовали выдвижению на ведущие позиции в общественной жизни мусульманского духовенства, которое в значительной мере соответствовало традиционным критериям политического лидерства. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что «духовные» стали органичной частью социально-политической иерархии, заняв в указанные периоды одну из ее высших ступеней. Говоря о новых политических лидерах, К. Ф. Сталь писал: «Эфендий и мулла разделяют с наездником его труды и опасности, бойко сражаются и вместе с тем играют важную роль на народных собраниях и разбирательствах» [1, с. 111]. Вместе с тем игнорирование особенностей ТПК могло сорвать становление шариатской администрации в некоторых областях Западной Черкесии. Назначение Мухаммед-Амином начальником одного из *мехкеме* бывшего раба, который к тому же по молодости проявлял излишнее рвение и пренебрежение местными обычаями, послужило поводом к восстанию абадзехов против «шариатской» власти. Т. Лапинский, считая подобную политическую карьеру «в обычаях магометанских народов», указывал, что в таких делах «у абадзехов больше обращается внимание на возраст, на заслуги перед страной и на чистоту крови в фамилии» [2, с. 357].

Усиление позиций ислама сделало обязательным для лидера следование канонам новой веры и соблюдение ее обрядности (зачастую демонстративное и поверхностное). Среди политических деятелей всех уровней растет слой хаджи, а «ученость» (исламское образование) становится средством «возвыситься и управлять судьбою своего народа» [1, с. 156], поскольку дает возможность обоснования и оправдания любых действий путем произвольного толкования Корана.

Учитывая возросшее влияние исламских «религиозных идей, окрепших среди черкесов» в начале XIX в., традиционная политическая элита феодальной Черкесии прибегла к политической мимикрии, умело используя в политической практике отдельные положения доктрины шариата, согласуемые с ТПК. В Кабарде на-

чала XIX в. именно высшая аристократия выступила инициатором и возглавила шариатские преобразования, моделируя их таким образом, чтобы с наименьшими потерями сохранить свои традиционные политические прерогативы. В 1826 г. среди закубанских черкесов, «которые сохранили неприкосновенным свое феодальное устройство», шариатские реформы Хасан-паши анапского были поддержаны прежде всего князьями. В итоге они сохраняли еще некоторое время прежнюю власть, поскольку сам паша «наименовал старших князей валиями и поручил им верховную власть» [3, с. 263–264].

Последний пример служит ярким свидетельством тому, что часто встречающиеся в источниках периода Кавказской войны иноэтничные понятия из сферы политической лексики (*мехкеме*, *меджлис*, *наиб*, *мухтар*, *муртазак* и др.) создают обманчивое впечатление заимствования шариатских политических структур. Однако в целом ряде случаев можно говорить о восприятии только самих терминов из арабо-мусульманской культуры по соображениям престижности, но никак не самих обозначаемых ими явлений и объектов, многие из которых издавна существовали у адыгов.

К явлениям аналогичного порядка можно отнести примеры использования в политической практике приемов своеобразной «шариатской демагогии». В 40-е гг. XIX в. некоторые князья Западной Черкесии стали манипулировать «демократическими» ожиданиями для достижения утрачиваемого взаимопонимания с подвластными. Как отмечал К. Ф. Сталь, «они, бывало, соберут народ, заговорят о вере, прикинутся кающимися, обещают ввести шариат, т.е. ограничить совершенно свою власть». Однако, получив желаемое, не выполняли обещанного, что «повлекло за собою потерю уважения и послушания в народе к князьям» [1, с. 145–146].

В рамках любой ПК выделяются субкультуры, возникшие у той или иной социальной группы и сосуществующие параллельно с ведущей, но ориентированные на собственные ценности, а в некоторых случаях даже претендующие на доминирующее положение в действующей ПК. Эти структурные элементы ПК во многом обеспечивают ее обогащение и эволюцию.

На рубеже XVIII–XIX вв. в адыгском мире начинает складываться «шариатская» субкультура. Она зародилась в Кабарде, до-

стигнув здесь определенных результатов в период «духовного правления» (1806–1822). С 20-х гг. XIX в. она получает развитие на Северо-Западном Кавказе как органичное продолжение процессов «демократизации», выходя за пределы Шапсугии, Натухая и Абадзехии. Новая модификация шариатской субкультуры начинает складываться в 1840-х гг. Она выделяется из северокавказского шариатского движения и энергичными усилиями набов Шамиля, а особенно Мухаммед-Амина, распространяется в Западной Черкесии. Даже в Кабарде ее носителями были не только аристократия, но и представители крестьян-вольноотпущенников, составлявших социальную основу мусульманских священнослужителей. У истоков этой субкультуры на Северном Кавказе стоял шейх Мансур, который, по выражению Э. Спенсера, подобно Магомету, «воплощал своей личностью тройственный характер жреца, воина и пророка» [4, с. 127].

Своеобразная модель субкультуры возникла у т.н. «закубанских кабардинцев». Покинув Кабарду (начиная с 1804 г.), они оседали в Западной Черкесии, где существовали достаточно обособленно, придерживаясь собственной ТПК. В 1846 г. они учредили «мехкеме», взяв за основу модель «духовного правления» в Кабарде первой четверти XIX в. Тем не менее шариатские преобразования не внесли существенных изменений в их традиционный аристократический военно-политический быт. В общем сопротивлении западных адыгов они проявили себя как талантливые предводители, их наезднические успехи в статусе *хаджиретов* вошли в легенды. Однако своеобразие их политической культуры обнаруживалось лишь в сравнении с доминировавшей в то время в Западной Черкесии синтетической ПК, сформировавшейся в условиях народно-шариатского правления, учрежденного Мухаммедом-Амином.

Библиография

1. *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. 21.
2. *Латинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
3. *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989.
4. *Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию. Майкоп, 1994.